

От издательства

Цель настоящей серии видится ее инициаторам в том, чтобы познакомить возможно более широкий круг читателей – правоведов, юристов-практиков, историков, а также всех тех, кто живо интересуется правовой проблематикой и историей права, с замечательными, однако давно, иногда более столетия, не переиздававшимися произведениями российской цивилистики и тем спасти их от незаслуженного забвения.

Выпуску книг предшествует серьезная научно-организационная и редакционная подготовка, проводимая на базе издательства «Статут». Редколлегия серии руководствуется при отборе книг для публикации прежде всего критериями научной ценности и актуальности, видит главную задачу в сохранении идентичности текстов оригинала и современного издания, стилистических особенностей языка времени создания произведения. Все книги серии снабжены научными предисловиями, многие – приложениями и материалами справочного характера, в том числе отзывами и рецензиями современников автора.

С 2024 года генеральным партнером серии стала юридическая фирма «Кучер, Кулешов, Максименко и партнеры» (ККМП). Благодаря этому сотрудничеству издательство имеет возможность не только пополнять серию новыми книгами, но и по мере необходимости переиздавать, а значит, возвращать в научный оборот те из них, которые оказались наиболее востребованы современными читателями. Результатом этой работы станет восстановление в актуальном издательском портфеле «Статута» более 60 книг серии «Классика российской цивилистики», начало которой было положено в 1997 году.

КЛАССИКА
РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИСТИКИ

Г.Ф. Шершеневич

Курс торгового права

2-е издание, исправленное

Том III
Вексельное право. Морское право

Москва – 2026

УДК 347
ББК 67.404
Ш49

Серия основана в 1997 г.

Председатель редакционной коллегии серии
д-р юрид. наук, проф. **Е.А. Суханов**

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф. **В.В. Витрянский**
д-р юрид. наук, проф. **П.В. Крашенинников**
канд. юрид. наук., доц. **А.Н. Кучер**
А.Г. Долгов
канд. юрид. наук, доц. **А.В. Ем**

Научный редактор и составитель тома:
канд. юрид. наук, доц. **В.С. Ем**

Шершеневич, Габриэль Феликсович.

Ш49 Курс торгового права: [в 4 т.] / Г. Ф. Шершеневич. — 2-е изд.,
испр. — Москва : Статут, 2026. — (Классика российской цивили-
листики.)

ISBN 978-5-8354-2163-3 (в пер.)

Том III : Вексельное право. Морское право. — 406 с.

ISBN 978-5-8354-2189-3

Третий том «Курса торгового права» посвящен двум вполне самостоятельным сферам гражданского права: вексельному и частному морскому праву России.

За время, прошедшее с создания «Курса», основные вопросы и проблемы вексельного права, рассматриваемые Г.Ф. Шершеневичем, не утратили своей ни теоретической, ни практической актуальности. Не менее интересен и отдел «Морское право», представляющий практически первое в России комплексное научное исследование в этой области законодательства.

Глубокий анализ законодательства, внимательное отношение к взглядам своих предшественников и современников, взвешенность собственных теоретических положений делают эту работу Г.Ф. Шершеневича неоценимой не только для специалистов в двух указанных областях права, но и для всех юристов — практиков и теоретиков, работающих в сфере гражданского права.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-2189-3 (т. 3)
ISBN 978-5-8354-2163-3

© Ем В.С., составление, 2003
© Маковская А.А., вступ. статья, 2003
© Редподготовка, оформление, переиздание.
Издательство «Статут», 2026

ВЕКСЕЛЬНОЕ И МОРСКОЕ ПРАВО В РОССИИ В XX ВЕКЕ (разные судьбы)¹

Морское и вексельное право, вошедшие в третий том «Курса торгового права» Г.Ф. Шершеневича, при всем различии их предметов объединяет тот специальный и комплексный характер составляющих эти отрасли законодательства правовых норм, который обуславливает их известное обособление в рамках гражданского права. Поэтому их сколько-нибудь глубокий и последовательный анализ в контексте только общегражданских правовых институтов и конструкций, рассматриваемых в первом и во втором томах «Курса», был бы невозможен.

Вместе с тем представляется крайне важным, говоря о содержании третьего тома «Курса», не забывать о системе всего «Курса», отличающегося абсолютной целостностью. Положения третьего тома о вексельном праве теснейшим образом связаны с такими главами второго тома, как «Ценные бумаги» и «Банкирские сделки», а о праве морском — с главами «Купля-продажа», «Договор перевозки», «Страхование имущества». В более же широком смысле ни вексельное, ни морское право не могут рассматриваться и не рассматриваются автором «Курса» в отрыве от всего гражданского законодательства.

Как пишет Г.Ф. Шершеневич, «в истории права наиболее интересным представляется не возникновение института, которое всегда остается скрытым, а ход его развития» (с. 23²).

Однако как морское, так и вексельное право, будучи одними из самых старых специальных областей гражданского права, тем не менее уходят своими корнями не в столь седую древность, чтобы нельзя было проследить или попытаться их проследить. Небольшие, но удивительно яркие и живые по манере изложения исторические очерки развития вексельного и морского права, включенные в третий том «Курса» его автором, только подтверждают сказанное. Не меньше исторических деталей и подробностей можно найти и в других параграфах данного тома.

---

¹ Настоящая вступительная статья написана в 2003 г. для первого издания данной книги и воспроизводится без изменений. — *Ред.*

² Здесь и далее при ссылках на «Курс торгового права» Г.Ф. Шершеневича указываются страницы настоящего издания.

Так, рассматривая один из наиболее старых и своеобразных институтов морского права – «общую аварию», – в соответствии с которым допускается пожертвование частью груза или судна с целью спасения остального от общей угрозы, и указывая на право капитана определить, чем жертвовать в конкретном случае, Г.Ф. Шершеневич пишет: «В одном только случае выбора капитану не дано: если на коммерческом судне окажется артиллерия или амуниция, провиант или иной военный сухопутный или морской снаряд, принадлежащий казне, то «оный не должно кидать в воду», разве киданием части его спасти можно остальное» (с. 312). Формально это всего лишь одна из специальных правовых норм, со временем исчезнувшая из законодательства. Вместе с тем это правило, являясь примером введения законодателем специального правового режима для государственного имущества (имущества казны), причем имущества военного, свидетельствует о том, сколь часто в своей истории России приходилось участвовать в войнах и сколь ценно было в этих условиях военное имущество.

Бесспорно и то, что для оценки хода развития какого-либо института необходимо иметь точное представление о его состоянии в определенные моменты времени. А ведь как вексельное, так и морское право, обретая в своем развитии много новых норм и институтов, равно и утратили по тем или иным причинам не менее интересные законодательные положения и правила, забыв о которых, исследователь не сможет понять и оценить состояние современного ему законодательства.

В этом смысле «Курс торгового права» дает вполне исчерпывающую и, что самое ценное, объективную картину состояния вексельного и морского права в России на рубеже веков.

Объективность этой картины определяется прежде всего ее фактической точностью и полнотой при изложении как законодательных положений, так и конкретных обстоятельств, иллюстрирующих применение этих положений. Достаточно привести всего лишь один пример. Перечисляя основания получения отсрочки платежа по векселю, Г.Ф. Шершеневич упоминает и вводимую законом «общую отсрочку по векселям и иным долговым обязательствам»: «Такие акты давно известны под именем *моратории*. Необходимость таких актов была вызвана у нас событиями осени 1905 года. Высочайшим указом 20 октября 1905 года на имя министра финансов предоставлено было право отлагать протесты векселей впредь до восстановления правильного движения по железным дорогам» (с. 126). Данный пример Примеча-

телен не только тем, что связан с известными историческими событиями, но тем, что мораторий в точном соответствии с его смыслом был введен в отношении всех без исключения векселедержателей, не имеющих возможность совершить протесты векселей в установленные сроки «ввиду временного прекращения железнодорожного и почтового сообщений». Для сравнения, события 17 августа 1998 г. послужили основанием для принятия Российской Федерации ряда нормативных актов, направленных на защиту прежде всего ее собственных интересов и прав, а не интересов и прав других участников гражданского оборота.

Кроме того, для «Курса торгового права» характерно подробное изложение тех причин и мотивов (политических, экономических, правовых), которыми руководствовался законодатель, конструируя правовые нормы и институты. Ведь незнание или непонимание таких причин и мотивов в подавляющем большинстве случаев приводит если не к утрате понимания смысла правовой нормы, то к существенному обеднению или искажению ее содержания.

Разве не привлечет внимания заинтересованного читателя то обоснование ограничения вексельной дееспособности отдельных лиц в Российской империи, которое приводит автор: «Только индоссамент, с его ответственностью за других, впервые поставил вопрос о необходимости ограничить вексельную дееспособность, отстранить от векселей лиц, которые по своему легкомыслию, неопытности, званию способны запутаться в этом виде кредита или уронить свое достоинство, подвергшись аресту за неисполнительность. Такому ограничению подвергались духовные лица, военные, студенты, ремесленники, крестьяне» (с. 29)? И разве это не заставит его задуматься над причинами ограничения действующим российским законодательством вексельной дееспособности совсем других субъектов гражданского права: «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, городские, сельские поселения и другие муниципальные образования имеют право обязываться по переводному и простому векселю только в случаях, специально предусмотренных федеральным законом» (ст. 2 Федерального закона «О переводном и простом векселе»).

И наконец, объективность автора «Курса» выражается в широком спектре рассматриваемых им доктрин и теорий по анализируемым проблемам и последовательностью собственных теоретических взглядов на эти проблемы. При этом отношение Г.Ф. Шершеневича к роли и месту правовых теорий и доктрин хорошо выражают его

собственные слова: «...если можно упрекнуть французских и английских юристов за пренебрежение к теоретической сущности векселя, то нельзя не упрекнуть и немецких юристов за то, что в погоне за оригинальными теориями они проявили массу совершенно ненужных упражнений ума, в действительности нимало не способствовавших улучшению постановке векселя в законодательстве и в судебной практике» (с. 46).

Само законодательство также оценивается прежде всего с позиций того, в какой мере оно соответствует потребностям торгового оборота и способствует его развитию: «При своем появлении индоссамент встретил оппозицию с двух сторон. Он нарушал интересы банкиров, потому что устранял необходимость обращения к ним и направлял векселя помимо их контор. Он не согласовался с принципом индивидуальности обязательства, воспринятым вместе с рецепцией римского права. Тем не менее требования торгового оборота преодолели эти препятствия, и индоссамент, во избежание сомнений, поддерживается в XVII веке законодателем» (с. 28).

При этом ряд законодательных положений, к которым современные авторы относятся почти как к «догматам веры», отнюдь не являются для Г.Ф. Шершеневича аксиомами, не подлежащими обсуждению. Таково, например, его отношение к запрету выпуска векселей на предъявителя («Действительно, соображения, приводимые против векселей на предъявителя, трудно признать очень убедительными» — с. 80—81), к допущению выпуска переводного векселя собственному приказу векселедателя («Едва ли потребность в векселях собственному приказу так настоятельна, чтобы создавать столь сложные конструкции. Формальные обязательства прежде всего должны быть просты» — с. 81) и др.

У современного читателя разделы, составившие третий том «Курса торгового права», вызовут, по-видимому, разный интерес, определяемый не только разным уровнем развития морского и вексельного права в Российской империи, но и разной судьбой этих двух отраслей гражданского законодательства в СССР и современной России.

О вексельном праве России к моменту выходу 4-го издания «Курса торгового права» уже можно было уверенно говорить как о вполне сформировавшейся области торгового права. «У нас этот институт не вырос самостоятельно из условий русской жизни, но был принят с Запада и, хотя с трудом, все же привился, когда наш торговый оборот пошел по пути западноевропейского. Обращение векселей в России начинается с конца XVII века» (с. 31). Вексельные уставы 1729, 1832 гг.

и, наконец, 1902 г. постепенно заложили законодательную основу вексельного права, широкое использование векселя в обороте позволило накопить достаточный опыт практического применения этого законодательства, а в многочисленных работах были не только сформулированы основные теоретические позиции, но и даны обобщение и оценка как законодательства, так и практики его применения.

В 20-е годы XX в. в РСФСР, а затем и в СССР было издано еще немало работ как по общим проблемам теории ценных бумаг, так и по проблемам исключительно вексельного обращения¹. В 1936 г. СССР присоединился к подписанным в Женеве 7 июня 1930 г. Конвенции, устанавливающей Единый закон о переводном и простом векселе, Конвенции о гербовом сборе в отношении переводных и простых векселей и Конвенции, имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях, а годом позднее было принято Положение о переводном и простом векселе, утвержденное постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе». Однако эти, бесспорно важнейшие, события в истории отечественного вексельного права стали не толчком к его дальнейшему совершенствованию, а своего рода «финальным аккордом» его развития в СССР.

В течение последующей более чем семидесятилетней истории СССР вексельное право оставалось областью, представлявшей интерес для крайне узкой группы практических юристов. Поскольку векселя в СССР реально использовались лишь при международных расчетах, то и круг людей, работавших с этими ценными бумагами, был ограничен исключительно специалистами Внешторгбанка СССР (а затем — Внешэкономбанка СССР). В силу этого вексельное право не привлекало сколько-нибудь значительного внимания и ученых-теоретиков. Чтобы удостовериться в этом, достаточно просто обратиться к учебникам гражданского права того времени. До конца 80-х годов прошлого века упоминание и самую общую информацию о векселях можно было найти только в специальной литературе, посвященной либо внешнеторговым расчетам (см.: Валютные отношения во внешней торговле СССР: Правовые вопросы / Под ред. А.Б. Альтшулера. М.: Международные отношения, 1968), либо иностранному гражданскому

---

¹ См. раздел «Расчетные и кредитные отношения. Заем» в кн. «Советское гражданское право. Советское семейное право: Библиография 1917–1960» (М.: Юридическая литература, 1962. С. 330–347).

или финансовому праву (см.: Денежное обращение и кредит капиталистических стран: Учебник / Под ред. проф. Л.Н. Красавиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 105–107).

«В России утрачены традиции преподавания вексельного права, характерные для дореволюционного периода, когда вексельному праву посвящались не полстранички в учебнике по гражданскому праву, а солидные учебные курсы и научные исследования, касающиеся различных сторон вексельного правоотношения», — абсолютно справедливо отмечает А.А. Вишневский (*Вишневский А.А. Вексельное право: Учебное пособие. М.: Юрист, 1996. С. 3*).

Но изменение вектора развития сначала советской, а затем российской экономики, изменения гражданского законодательства создали предпосылки для широкого использования векселя организациями и гражданами. Этому способствовали и определенные негативные тенденции в экономике, прежде всего в сфере денежного обращения (бюджетный дефицит, взаимные неплатежи, высокий размер ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации и др.).

«Начиная с 1991 года в России появилось большое количество самых разнообразных публикаций, посвященных векселю вообще и вексельному праву в особенности. Данный процесс является адекватным отражением изменения роли векселя в российской экономике и места вексельных норм в системе права. В этой связи рост числа публикаций о векселе является естественным и закономерным» (*Белов В.А. Что читать о векселе. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1999. С. 7*). И, разумеется, авторы первых современных работ по вексельному праву, появившихся в начале 1990-х годов, не могли не обратиться к работам русских юристов конца XIX — начала XX в. уже потому, что более поздней литературы по этому предмету в СССР и России просто не существовало. В круг этих работ вошли и труды Г.Ф. Шершеневича. Поэтому для юристов, занимающихся исследованиями в области вексельного права, «Курс торгового права» Г.Ф. Шершеневича, равно как и другие его работы в этой области («Вексельное право: Лекции». СПб., 1909), с одной стороны, уже не являются terra incognita, с другой — по-прежнему сохраняют новизну и актуальность.

Опыт показывает, что современная российская доктрина и правоприменительная практика сталкиваются и вынуждены разрешать во многом те же вопросы, что и 100 лет назад, хотя в некотором смысле положение современных юристов (теоретиков и практиков) суще-

ственно сложнее. Объяснение тому кроется в определенной неразвитости национального вексельного законодательства, состоящего по существу всего лишь из норм Конвенции 1930 г., устанавливающей Единообразный закон о переводном и простом векселе, которые были имплементированы в правила Положения о переводном и простом векселе от 7 августа 1937 г. Но Конвенция лишь унифицирует наиболее важные нормы вексельного права, в остальном же вексельные отношения должны быть урегулированы национальным законодательством стран – участниц Конвенции.

Поэтому новому поколению юристов обращение к трудам их предшественников по вексельному праву позволяет не только выверить и уточнить собственные взгляды и позиции, но также найти ответы на вопросы, которые не может дать действующее российское законодательство. Не случайно для наиболее значимых и интересных работ по вексельному праву последних лет характерны своего рода «заочные дискуссии» между их авторами и юристами дореволюционной России.

Прежде всего речь идет, конечно, о доктринальных позициях по таким центральным вопросам вексельного права, как природа векселя, вексельного обязательства, индоссамента. Тем более, что основные вексельные теории по этим вопросам, подробно излагаемые Г.Ф. Шершеневичем на страницах третьего тома «Курса» (см. с. 44 и след.), к началу XX в. были сформулированы. Не очень пытливый исследователь сегодня вполне может просто присоединиться к одной из них, более требовательный – будет пытаться дать этим теориям свою собственную оценку, найти дополнительные новые аргументы в пользу или против какой-либо из них.

Но независимо от своей приверженности той или иной вексельной теории любой из специалистов будет обращаться к «Курсу торгового права» и находить в нем ответы на вопросы:

о моменте возникновения вексельной дееспособности (с. 56–57) и о последствиях отсутствия у обязанного по векселю лица вексельной дееспособности (с. 64–65),

о подписании векселя несколькими лицами (с. 82),

об указании в переводном векселе нескольких плательщиков (с. 84),

о допустимости выпуска вексельных бланков (с. 88),

о природе переводно-простых векселей (с. 105–106),

об акцепте (§ 144),

об авале (§ 148),

о природе вексельной давности и основаниях ее перерыва (§ 150), а также на многие и многие другие вопросы.

Морское право в СССР, напротив, было одной из наиболее активно развивающихся областей гражданского законодательства. Парадоксально, но работы по морскому праву, в значительном количестве появившиеся в России (РСФСР и СССР) уже в конце 20-х годов XX в., кажется, написаны с чистого листа, а у их авторов словно не было никаких предшественников в дореволюционной России. Так, в одной из самых первых крупных работ советского периода, посвященной одному из центральных институтов морского права — договору морской перевозки грузов, в статье «Цертерпартии и коносаменты в торговом мореплавании СССР» (в сб.: Фрахтование и торговое мореплавание. М.: Издательство Наркомторга СССР и РСФСР, 1927) ее автор, А.Д. Кейлин, обращается преимущественно к трудам иностранных юристов, а в редких случаях — к первым советским работам по морскому праву, но только не к работам, вышедшим в России до 1917 г.

Последовавшие затем бурный технический прогресс в области морского транспорта, рост торгового флота и объема международных морских перевозок (прежде всего грузовых) и в итоге превращение СССР не номинально, а реально в одну из крупнейших морских держав привели и к стремительному развитию морского права, что выразилось в принятии таких крупных национальных законодательных актов, как Кодекс торгового мореплавания СССР 1929 г. и Кодекс торгового мореплавания СССР 1968 г.

Свою роль в этом сыграл и процесс унификации морского права, значение которой совершенно справедливо оценивал Г.Ф. Шершеневич: «Может быть, нигде с такою очевидностью не обнаруживается настоятельная потребность единства норм, как в области торгового мореплавания. По условиям осуществления морского промысла соприкосновение с лицами, принадлежащими к другой стране, столкновение с лицами, принадлежащими к другой стране, столкновение с нормами, исходящими от другого государства, совершенно неизбежно. ...Совершенно правильно было замечено, что «лучше плохой, но общий морской закон, чем очень хороший, но особый для каждого государства»» (с. 182–183).

«Начиная с 1910 г. и до настоящего времени, — писал в 1983 г. А.Л. Маковский, — т.е. за 70 с лишним лет, на различных международных форумах принято в общей сложности 27 универсальных многосторонних международных договоров, направленных на создание единообразного правового режима имущественных отношений

в области торгового мореплавания»¹. Большинство унификационных договоров было принято на созывавшихся начиная с 1905 г. в Брюсселе правительством Бельгии так называемых сессиях Дипломатической конференции по морскому праву, при этом в подготовке договоров об унификации морского права до 1969 г. очень большую роль играла неправительственная международная организация — Международный морской комитет, образованный в 1897 г. Но к моменту выхода в 1909 г. 4-го издания «Курса торгового права» ни работа Международного морского комитета, ни работа Брюссельской конференции по унификации морского права еще не дали реальных результатов. Тем не менее упоминание именно об этих «организаторах» процесса унификации морского права можно встретить на страницах третьего тома «Курса».

Меняющееся национальное морское законодательство требовало от исследователей в первую очередь анализа его положений и ответа на те актуальные вопросы, которые возникали в практике торгового мореплавания. Значительное (если не сказать огромное) количество опубликованных работ советских юристов по морскому праву (доказательством тому может служить Библиографический указатель работ советских авторов по морскому праву, 1917—1978 гг. (М.: ЦРИА «Морфлот», 1981. — 215 с.)) вполне позволяло любому исследователю ограничиваться только этими работами, не обращаясь к более ранним трудам в данной области права.

Тем более, что о морском законодательстве Российской империи, в отличие от законодательства вексельного, никак нельзя было сказать, что это было законодательство прогрессивное или хотя бы вполне отвечающее потребностям рынка. «Жалкое состояние нашего морского законодательства вполне оправдывает учреждение такого совещания (речь идет об учреждении в 1901 г. особого совещания для составления проекта уложения о торговом мореплавании. — *А.М.*), но едва ли оправдывается связанная с его учреждением уверенность, что выработанный совещанием морской торговый устав «будет идти впереди всех иностранных морских торговых уставов», — пишет Г.Ф. Шершеневич (*с. 181*). И это вполне объективная оценка целой отрасли российского законодательства. Практически то же самое сказал в вышедшей несколькими годами позже книге «Морское право» (Одесса, 1913) А.Ф. Федоров: «Наше законодательство о морской торговле

¹ Многосторонние международные соглашения о морском транспорте (Условия морских перевозок). М.: Торгово-промышленная палата СССР. Секция торгового мореплавания и морского права, 1983. С. 9.

очень отстало от жизни. Во внимание к этому, Министерство торговли и промышленности уже выработало проект Уложения о торговом мореплавании, построенный на современных началах. Когда этот проект удостоится подлежащей санкции, а также в каком виде — пока предусмотреть, конечно, нельзя; но во всяком случае не может подлежать сомнению, что дни действия большинства теперешних наших постановлений по данному предмету сочтены».

И если «Учебник торгового права» Г.Ф. Шершеневича (9-е изд.), содержащий специальную главу, посвященную морскому праву, хотя бы включен в вышеуказанный Библиографический указатель благодаря тому, что переиздан в 1919 г., то не переиздававшийся в советское время более интересный и подробный «Курс торгового права» вообще был фактически исключен из научного обихода.

В современной России, утратившей свои позиции в сфере морского торгового судоходства, знания и научные исследования в области морского права оказались не столь востребованными, как в области вексельного права. Объясняется это прежде всего существенным свертыванием морского бизнеса в стране, а также тем, что во многих случаях стороны различных договоров в данной области предпочитают подчинять эти договоры иностранному праву.

По всем этим причинам труд Г.Ф. Шершеневича, посвященный морскому праву, до настоящего времени остается забытым, и забытым незаслуженно и несправедливо. Ведь «Курс торгового права» Г.Ф. Шершеневича — это практически первая в российской цивилистике работа, в которой морское право представлено как вполне самостоятельный комплекс правовых норм и институтов. Книга другого русского юриста А.Ф. Федорова «Морское право», как уже отмечалось выше, появилась несколько позже.

Кроме того, простое сравнение работ этих двух авторов позволяет выявить одно весьма существенное различие между ними. Книга А.Ф. Федорова написана практически исключительно на основе российского законодательства. «Морское право» Г.Ф. Шершеневича (равно как и «Вексельное право») отличается обилием использованного иностранного законодательства (прежде всего французского, немецкого, английского) и иностранной литературы, что позволяет отнести этот труд к исследованиям сравнительно-правового характера. В этом смысле, т.е. принимая во внимание преимущественно международный характер морского судоходства и морской торговли, раздел «Морское право» обоснованно является частью «Курса торгового права». Но тому была и объективная причина: «Источники морского

права представляют у нас некоторую особенность. Рядом с а) морскими законами и б) морскими обычаями закон наш ставит для морского страхования, в случаях, которые не предвидены правилами морского устава, с) иностранные законы и обычаи — «правила, принятые другими государствами» (с. 181).

«Утрата» для нескольких поколений морских юристов работы Г.Ф. Шершеневича, с которой началось становление науки отечественного частного морского права, может и должна быть восполнена введением этой работы в круг нашей отечественной правовой литературы.

Как и вексельное право, морское право было вызвано к жизни экономическими потребностями, но развитие морского права еще и в значительной мере связано с техническим прогрессом в области судостроения. Как вексельное, так и морское право были и остаются отраслями гражданского права. Но морское право еще и включает большое число норм публичного правового характера. Кроме того, в отличие от вексельного права, морское право всегда носило и по-прежнему носит не столь замкнутый и самодостаточный характер.

Возникнув как вполне самостоятельная область гражданского права, частное морское право в своем развитии испытывает несколько тенденций. Одна из них — исчезновение отдельных правовых институтов и групп норм. «...Та самая техника морского промысла, которая некогда вполне оправдывала обособление морского права благодаря своеобразным отношениям, создаваемым на почве мореплавания, ныне начинает обнаруживать тенденцию к устранению этих особенностей. Дальнейшее движение в этом направлении может повести к объединению морского права с сухопутным. Пока традиции еще очень сильны» (с. 176).

Ряд специальных морских институтов, о которых пишет Г.Ф. Шершеневич, сегодня действительно исчезли из морского права. Но исчезли не потому, что исчезли сами отношения, составляющие предмет регулирования этих институтов, а потому, что исчезла потребность в специальном регулировании этих отношений. Боюсь, что сегодня вряд ли кому-нибудь из исследователей морского права удастся найти где-нибудь, кроме как в «Курсе торгового права» Г.Ф. Шершеневича или в книге «Морское право» А.Ф. Федорова, подробный анализ таких «умерших» институтов, как бодмеря или морское сообщество. И хотя на первый взгляд изучение этих институтов не может представлять сколько-нибудь практического интереса, но не стоит забывать, что постоянно развивающиеся экономические и гражданские отношения требуют адекватного правового регулирования, которое может быть

выработано либо путем совершенствования существующих правовых режимов, либо путем создания новых, а ведь очень часто «новое — это хорошо забытое старое». Кроме того, принцип свободы гражданско-правового договора не исключает для его сторон возможности построить свои отношения по той же модели договора «бодмерей». И, наконец, само исчезновение тех или иных институтов может многое сказать о развитии морского права.

Другая тенденция — появление в морском праве новых специальных норм, групп норм и институтов. У современного читателя, взглянувшего на оглавление раздела «Морское право», может создаться впечатление, что в отличие от раздела, посвященного вексельному праву, морское право начала XX в. включало в себя очень ограниченное (по сравнению с современным морским правом) число правовых институтов. Впечатление это поверхностное и ошибочное, так как практически все институты, известные современному морскому праву, нашли отражение в третьем томе «Курса». Однако, поскольку эти институты еще не приобрели вполне самостоятельного и завершенного характера, они рассматриваются в рамках иных институтов: правила об ограничении ответственности судовладельца — в § 152 «Судохозяин», о спасании — в главе IV «Авария», о столкновении — в § 167 «Авария взаимного вреда», о морском страховании — в главе V «Бодмерея», о залоге морских судов — в § 157 «Морское судно как вещь», о морском посредничестве — в главе III «Договор морской перевозки» (с. 264–265).

И наконец, третья тенденция — это заимствование институтов морского права другими отраслями гражданского законодательства. Г.Ф. Шершеневич, например, упоминает о возможности применения норм об общей аварии в речном судоходстве: «Правила об аварии отнесены у нас к морскому праву. Отсюда делается совершенно правильный вывод, что правила об аварии неприменимы к речному судоходству. С догматической точки зрения это совершенно верно, но нет никаких оснований с точки зрения политика права, почему бы не распространить правила об аварии на всякое вообще судоходство» (с. 309). Речное законодательство, действительно, сформировалось под влиянием норм морского права, хотя институт общей аварии так и не стал применяться в речном судоходстве. Отдельные нормы морского права (например, о договоре перевозки) были заимствованы также воздушным правом.

Одной из центральных проблем морского права является задача определения понятия морского судна. От причисления того или иного объекта к морскому судну зависит, будут или не будут распространять-

ся на отношения, связанные с использованием этого объекта, нормы морского права. «За исключением английского, — пишет Г.Ф. Шершеневич, — все законодательства предоставляют науке и практике выяснять, что следует понимать под морским судном» (с. 233). Положение нисколько не изменилось со времени написания этих слов. Поэтому все те критерии, на основании которых автор «Курса» определяет правовое содержание категории «морское судно», нисколько не утратили своего значения до сегодняшнего дня.

Но если вопрос об определении категории морского права интересует исключительно морское право, то решение вопроса об отнесении морского судна к движимому или недвижимому имуществу (с. 234–235) или об определении в составе морского судна главной вещи и принадлежностей (с. 235–236) входит в круг задач гражданского права в целом. Однако, поскольку в СССР не было рынка морских судов, решение этих вопросов до сих пор никогда не представляло значительного практического интереса для оборота, а следовательно, и в советской литературе эти вопросы глубоко не изучались.

Еще одна тема, рассматриваемая Г.Ф. Шершеневичем, которая не может не обратить на себя внимание, связана с определением собственника строящегося судна. «С точки зрения нашего законодательства, если заказ рассчитан на заводской материал, то сделка должна быть признана запродажей будущей вещи. Поэтому право собственности на судно до окончательной его сдачи заказчику принадлежит заводу, хотя бы даже следуемая ему за работу сумма выплачивалась постепенно во время хода работ. Если заказчик сам доставляет заводу строительные материалы, то он остается собственником этих вещей, а следовательно, и создаваемое за его счет на заводе составляет его собственность, в каком бы виде оно ни было в момент возбужденного вопроса. Отношение между заводом и заказчиком является договором подряда. Отсюда разрешается вопрос, на ком лежит риск случайной гибели строящегося судна. Отсюда вытекает ответ на вопрос о возможности продажи строящегося судна другому лицу: в одном случае это будет уступка прав по договору подряда, в другом случае перед нами продажа материала или запродажа будущего мореходного судна» (с. 248–249).

И хотя сегодня договор между судостроительной организацией и заказчиком квалифицируется как договор подряда, независимо от того, кто является собственником материалов, вопрос о собственнике созданного объекта по-прежнему остается открытым. «В случаях, когда договор подряда направлен на создание новой вещи, возникает необходимость определить, какой из контрагентов должен признаваться

ее собственником до момента передачи заказчику. В силу п. 2 ст. 703 ГК по договору подряда, заключенному на изготовление вещи, подрядчик передает права на нее заказчику. Однако для передачи любого права нужно им обладать. Это прямо вытекает из общего принципа, в силу которого никто не может передать другому больше прав, чем он сам имеет.

Из самой природы подряда вытекает, что собственником вновь создаваемой вещи до ее передачи по общему правилу признается именно подрядчик. Из этого, в частности, следует, что по долгам подрядчика объектом взыскания может стать и вещь, которую он изготавливает по договору с заказчиком. При этом не имеет значения, оплатил ли заказчик стоимость вещи или нет. Разумеется, в указанных случаях обращение третьим лицом взыскания на изготавливаемую вещь по долгам подрядчика не лишает заказчика права требовать от подрядчика возмещения понесенных в этой связи убытков»¹.

С проблемой определения собственника строящегося морского судна и проблемой квалификации морского судна как движимого или недвижимого имущества связана неоднократно поднимаемая Г.Ф. Шершеневичем проблема возможности залога морского судна вообще и строящегося судна в частности. «С точки зрения нашего законодательства, требующего от залогодателя прав собственности, следует признать, что залог строящегося судна по материалам завода не может быть допущен, нельзя признать силы и за залогом судна, строящегося из материалов, принадлежащих заказчику, так как для действительности залога движимость закон требует отдачи вещи кредитору, что *немыслимо* (курсив наш. — А.М.) в данном случае» (с. 249). «Так как морские суда подходят под категорию движимых вещей, то заем под обеспечение судна может быть произведен только в форме залога движимости. По нашему закону акт о залоге движимой вещи сопровождается отдачею самой вещи кредитору, который становится поэтому залогодержателем. Без предоставления кредитору владения нет вещного права. А между тем передача владения судном экономически невозможна, потому что судовладелец, лишенный своего судна, теряет тот источник удовлетворения, из которого он рассчитывал погасить свой долг, потому, что с переходом судна в руки кредитора утрачивается весь смысл займа» (с. 256).

---

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. С. 47–48.

Любопытно, что, неоднократно подчеркивая невозможность залога морского судна согласно российскому законодательству, поскольку судно есть имущество движимое и, следовательно, его залог (заклад) возможен только при условии его передачи во владение залогодержателю, Г.Ф. Шершеневич тем не менее не оспаривает существование залоговых отношений в рамках договора бодмереи — «договора денежного займа под заклад судна или груза или фрахта, совершаемого капитаном в пути в состоянии крайней необходимости» (с. 347), хотя очевидно, что в этом случае предмет залога не передается и не может быть передан во владение залогодержателю. По-видимому, это объясняется тем, что такая конструкция залоговых отношений по договору бодмереи была прямо предусмотрена российским законом. Также не ставит Г.Ф. Шершеневич под сомнение теоретическую обоснованность Закона от 24 мая 1904 г., определявшего правила о выдаче ссуд на приобретение вновь построенных в России из русских материалов деревянных и металлических морских судов, в соответствии с которым «суда, на приобретение которых выдана ссуда, служат обеспечением обязательств заемщиков по ссуде, но, состоя в закладе у казны, остаются в пользовании заемщиков» (с. 258—259).

Таким образом, можно вполне уверенно говорить о понимании Г.Ф. Шершеневичем экономической потребности в развитии залоговых отношений в сфере торгового мореплавания и его готовности принять соответствующие законодательные решения этой проблемы, даже если они не вполне соответствуют общегражданской конструкции института залога.

Если в СССР проблема залога морских судов не возникала на практике и не обсуждалась в литературе, то в постсоветской России она стала одной из самых больных и острых. И хотя простое указание закона на то, что морские суда относятся к недвижимому имуществу (абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ), позволило распространить на морские суда правила об ипотеке (залоге недвижимости), целый ряд практических вопросов, возникающих при ипотеке морских судов, еще не нашел своего разрешения в нормах нового Кодекса торгового мореплавания РФ 1999 г.

Главное же и самое удивительное ощущение, которое оставляет чтение третьего тома «Курса торгового права», это — ощущение «живого» гражданского права, живого, потому что и морское, и вексельное право порождены потребностями самой жизни, живого, потому что таким

его воспринимал сам Г.Ф. Шершеневич и смог это показать в тысячах деталях и подробностях, живого, потому что оно постоянно изменяется и совершенствуется, и это сразу замечает читатель, живого, потому что, несмотря на все эти изменения, оно остается верным своим принципам, живого потому, что создателями его являются люди, и к числу этих людей по праву принадлежит Г.Ф. Шершеневич.

*А.А. Маковская,
кандидат юридических наук*